

Образование на рубеже тысячелетий: вечное и преходящее

Николай НИКАНДРОВ, президент Российской академии образования

На рубеже десятилетий, столетий и тысячелетий — а именно в такое время судил нам Бог жить — естественно размышлять о том, что взять с собой в будущее, а что постараться оставить в прошлом.

Такие размышления возможны в любой области; возможны и даже необходимы они в образовании — такой огромной области, где занята четверть населения нашей страны — и детей, и взрослых, и в которой так или иначе заинтересованы все. Эти размышления приводят к мысли, что в жизни нашей есть связанные с образованием проблемы, которые сама жизнь заставляет ставить снова и снова. Например, о перегрузке школьников в России писали в начале теперь уже прошлого XX века, ругали педагогов-теоретиков и учителей, принимались какие-то меры. И на протяжении всего века эта тема возникала вновь и вновь. Уже на нашей памяти, в газетах последних десятилетий, лет и месяцев, а не в книгах по истории педагогики, можно найти те же сетования. Или, например, сто лет назад учителя были так же, как сейчас, обеспокоены тем, что мало часов даётся на родной язык и литературу, на историю Отечества.

И дело, конечно же, не в том, что все поколения и теоретиков, и практиков так уж плохо работали. Не в том, что Ушинский и Макаренко, Коменский и Дистервег и многие, многие другие педагоги не оставили нам и ценных мыслей, и конкретных решений. Но сходные проблемы в образовании возникают вновь и вновь, даже будучи, казалось бы, удачно решёнными в теории, а иногда и в блестящей педагогической практике.

Конечно, эти животрепещущие и острые проблемы можно условно назвать вечными. Но я бы это высокое слово применил к другим проблемам. Это — проблемы смысла человеческой жизни, отношения людей друг к другу, к своей стране и миру, проблемы истинных и ложных ценностей. Именно их решение определяет, каким будет человек, какой будет наша страна.

Уже не раз говорилось, что слово “образование” происходит от слова “образ”, о соответствующей цели воспитания. И хотелось бы напомнить вот о чём. В последние годы были попытки переоценить, а, точнее, убрать из практики такое понятие, как воспитание нового человека. Хотя мы можем проследить его корни с древних времён, критики обращали внимание прежде всего на то, что оно встречается в марксистской педагогике. Но это — поверхностное понимание. В христианской традиции цель воспитания нового человека понимается гораздо глубже и имеет давние корни. Например, в послании апостола Павла к Колоссянам говорится: “А теперь вы отложите всё: гнев, ярость, злобу, злоречие, сквернословие уст ваших; не говорите лжи друг другу, совлёкшись ветхого человека с делами его и облёкшись в нового (человека), который обновляется в познании по образу Создавшего его, где нет ни Елина, ни Иудея (ни обрезания, ни необрезания, варвара, Скифа, раба, свободного), но всё и во всё Христос” (Кол. 3, 8–11). По сути, всё христианское учение, а для россиян — прежде всего учение русской православной церкви — и есть цель воспитания **нового человека** в этом глубоком христианском смысле.

Представим себе, что мы не решим или неверно решим всё ту же, такую острую проблему современности, как перегрузка школьников. Её приходится решать вновь и вновь, сообразуясь с новыми открытиями в науке, новыми данными психологии и педагогики. И это объективный процесс, хотя иногда его трудности используются в соперничестве друг с другом научных школ и учёных. Что же, ошибки в этих решениях — это, разумеется, плохо, но школа их так или иначе преодолевает. Представим себе, с другой стороны, что мы забыли о правильном соотношении общечеловеческого и своего, родного, российского в воспитании. Мы воспитаем — и довольно быстро — человека без Родины, которому безразличны её судьбы.

Недавно вышла очень интересная книга под редакцией известного православного пе-

дагога В.В. Зеньковского, который когда-то писал: "...нельзя вести детей, если впереди нет действительной правды, если впереди нет Царства Божия". Кто знает имя Зеньковского, сразу поймёт, что эта книга — она называется "Дети эмиграции: Воспоминания. Сборник статей" (М.: Аграф, 2001) — является перепечаткой издания 20-х годов. Зеньковский анализировал сочинения детей, которые после эмиграции из России попали в разные школы: кто-то — в русские, которых было организовано за рубежом немало, а кто-то — в обычные школы страны, куда эмигрировали родители вместе с детьми. И вывод был совершенно однозначным, печальным, хотя и предсказуемым. Дети, попавшие в русские школы, знали о Родине, кто постарше — помнили её, сопереживали её трудностям. Попавшие в национальные школы о Родине начисто забыли. Но ведь можно забыть о Родине, даже не покидая её пределов, если устройство школы, её уклад не будут наполнены соответствующим содержанием.

Возьмём другой, не менее злободневный, пример. Сейчас опять решается вопрос о новом содержании общего среднего образования, ломаются копыя, авторы в полемике соревнуются в хлёткости выражений. Но и здесь есть вопросы разного уровня значимости. Если речь идёт о конкретных деталях содержания, ошибки, даже досадные, не приведут к искажению образа человеческого. Но забвение, иногда сознательное замалчивание судьбоносных эпизодов истории Отечества разрушают гражданское воспитание человека, искажают образ человека — гражданина своей страны.

Для христианина, например, безразлично, как излагаются исторические факты, связанные с великими русскими святыми-подвижниками. Скажем, можно просто "забыть", что Сергей Радонежский благословил князя Дмитрия и войско перед Куликовской битвой, которая фактически была переломной в истории борьбы Руси за независимость. Можно рассказать об этом и с иронией — в худших, теперь почти исчезнувших традициях воинствующего материализма. Добросовестный, патриотически мыслящий учитель истории — верующий или неверующий — поступит по-иному. Он в любом случае расскажет о встрече Сергея и Дмитрия, о благословении на битву, возможно, скажет и о том, что некоторые современные историки ставят под сомнение факт встречи Дмитрия и Сергея накануне этого события, и встреча эта, возможно, была на два года раньше. Для верующего при этом будет бесспорным, что русское воинство победило с Божией помощью. Но и для неверующего будет не менее очевидно, что в те времена, когда живая христианская вера объединяла всех собравшихся на битву воинов, слово известного своей праведной жизнью подвижника имело на них огромное психологическое воздействие, было вполне реальной опорой в ратном деле.

В более чем тысячелетней истории христианской Руси мы находим множество примеров того, как вера помогала преодолевать тяжкие испытания, укрепляла народный дух, помогала отделять важное от суетного, зёрна от плевел. И каждый такой пример приближал российских патриотов к тому, чтобы понять православие как судьбоносный выбор нашей Родины.

В смутные времена начала XVII века Патриарх Гермоген, призывая народ российский к сопротивлению иноземным захватчикам, говорил: "Если велики волны и грозна буря, не бойся гибели, ибо на камне правды и веры стоим. Пусть пенится и беснуется море, он не может потопить корабля Иисусова!" Он скончался мученической смертью 17 февраля 1612 года, но не сделал того, чего требовали враги России, не написал грамоту Минину и Пожарскому об отступлении от Москвы. Через триста с лишним лет, в июле 1914 года, митрополит Ленинградский Алексий, будущий Патриарх Алексий I, обратился к верующим с посланием "Церковь зовёт к защите Родины". В своём Слове митрополит говорил: "Мы верим, что и теперь великий предстатель за землю русскую преподобный Сергей Радонежский простирает свою помощь и благословение русским воинам. И эта вера даёт нам неиссякаемые силы для упорной и неустанной борьбы". История напоминает нам, что в те годы и советская власть, бывшая вполне атеистической, понимала великую патриотическую и воспитательную роль Церкви, огромное значение патриотического воспитания

для достижения Победы. Всем известно, что 7 ноября 1941 года, после военного парада на Красной площади, в церквах состоялся молебен. А в сентябре 1943 года на Соборе архиепископов, где был избран Патриарх Сергей, митрополит Алексей сделал доклад “Долг христианина перед Церковью и Родиной в эпоху Отечественной войны”.

Сейчас нет большой войны, сейчас в этом смысле мирное, хотя и очень непростое время. И для нас очень важно, что Его Святейшество Патриарх Московский и всея Руси Алексей II — член Российской академии образования, что членом Академии является и министр образования В.М. Филиппов. Это имеет для нас и символическое, и практическое значение. Говоря вполне светским языком, это даёт нам возможность зримо чувствовать и укреплять единство всех институтов воспитания, имея в виду сотрудничество Церкви, общества и государства. Для нас важны мудрые мысли Патриарха, опирающиеся на тысячелетнюю соборную мудрость Церкви.

Переходный период, в котором мы с вами находимся, ставит свои особые проблемы, в том числе проблемы гражданского воспитания. И здесь нам Церковь и её учение преподают освящённые веками уроки. Например, то, что на светском языке сейчас называют “укреплением вертикали власти”, то, что в своё время называли “собранием России” и что, судя по опросам общественного мнения, поддерживает большинство населения нашей Родины, хорошо понимали ещё в апостольские времена. Так, апостол Марк говорил: “Если царство разделится само в себе, не может устоять царство то; и если дом разделится сам в себе, не может устоять дом тот” (Мк 3, 24–25). И российская история опять-таки свидетельствует о том, какую позитивную роль играла Церковь в собирании и укреплении единства и мощи нашего Отечества.

Вот это — одна из вечных проблем, которые приходится решать и в образовании. Идут, казалось бы, узкопрофессионально-педагогические споры о соотношении федерального и регионального компонентов в образовании. Но нельзя при этом не понимать, что, относя на уровень регионов слишком большую часть общекультурного, исторического, художественного содержания, мы размываем единое образовательное, а значит, гражданское и политическое пространство нашей страны. Это понимают и в регионах. 10 января 2001 года состоялось совместное заседание Коллегии Министерства образования РФ и Президиума Российской академии образования. И в материалах, подготовленных к обсуждению, совершенно чётко просматривалось, что большинство российских республик не выступают за расширение региональной части содержания, они — за солидную общероссийскую часть, которая является объединяющей скрепой нашего Отечества.

Сейчас мы уже привыкли к понятию “общечеловеческие ценности”, и это, разумеется, хорошо. Вместе с тем плохо, когда это и в малом, и в большом приводит к забвению своих, российских ценностей. Маленький пример. Российские специалисты по народной педагогике разных лет — и прошлых столетий, и современные — хорошо показали, насколько велико воспитательное значение народных обычаев, сказок, обрядов для воспитания гражданина и патриота. И когда, например, в российских магазинах в пред Рождественские дни на товарах оказывается много символики с Санта-Клаусом, а не с нашим Дедом Морозом, когда наши Дед Мороз и Снегурочка в некоторых телепередачах и по одежде, и по манере поведения отходят от русской сказки, это тем более досадно, что особенно сильно действует на детишек самого нежного возраста, для которых ещё так подвижна грань между сказкой и реальностью.

Российские педагоги издавна понимали это. Ещё русский философ И.А. Ильин, касаясь проблем воспитания, говорил о том, что с пяти-шести лет ребёнок должен знать своих национальных героев, влюбиться в них. Сделаем поправку на то, как быстро сейчас развиваются дети, вспомним наши телепередачи последних лет, и мы убедимся, что, конечно, Санта-Клаус всё же лучше тех многочисленных героев западных боевиков, у которых насилие — почти единственное средство решения всех проблем.

Я намеренно взял простой и, конечно, мелкий пример с символикой Санта-Клауса. На самом деле вопрос очень серьёзен. В Послании предстоятелей православных церквей, с

которым они обратились ко всем верующим год назад из Вифлеема, когда начиналось празднование 2000-летия Рождества Христова, сказано очень точно: диалог культур, сотрудничество разных церквей и стран не предполагают “поглощения специфических особенностей культур в котле уравнительной и монополистической глобализации”. Иными словами, стремление к усвоению общечеловеческих ценностей не должно вести к забвению своей культуры и своей традиционной веры.

О русской национальной идее уже немало сказано, достаточно давней попыткой её осмысления была предложенная С.С. Уваровым триада “православие — самодержавие — народность” (1833 г.). Разумеется, для нас самодержавие как способ правления ушло безвозвратно, но идеи православия, патриотизма, народности остались и, на мой взгляд, по-прежнему незыблемы. И сейчас для меня несомненно, что при наличии в образовании многих конкретных вопросов, которые так или иначе надо решать, наиболее значимым будет всё же вопрос: в какой мере та или иная педагогическая система, то или иное содержание воспитывают человека в этой системе основных ценностей — православия, патриотизма, народности. Попытки заменить их перечислением понятий типа достойной жизни, правового государства, гражданского общества, рыночной экономики и т.д. напоминают мне поиск подлинных драгоценностей в магазине тысячи мелочей. Не потому, что слова эти малозначимы, но потому, что они, включая Россию в общий поток мировой истории, никак не показывают её собственной роли, её особенностей.

Есть ли у нас возможности продвижения в этом направлении, в направлении усвоения великих и вечных, непреходящих ценностей через систему образования? Думаю, да. При всех недостатках, трудностях, при тяжелейшей бедности многих наших сограждан последний десяток лет мы живём в период, когда по разным оценкам от 50 до 80% населения нашей страны считают себя православными. А это значит, что большинство нынешних детей уже не прошло через атеистическую систему обучения и воспитания, тем более через систему воинствующего атеизма.

Наше время есть время и позитивных изменений: российская культура, многие столетия развивавшаяся на основе православия, указывает нам пути, которыми надо лишь разумно воспользоваться. При этом не буду ещё раз возвращаться к тому, что уже не раз обсуждалось: возможность вполне мирного сосуществования, более того, сотрудничества исторических религий в нашей многонациональной стране и во всём мире. Напомню в этой связи лишь несколько слов из уже упоминавшегося Послания предстоятелей православных церквей: “На основании евангельского учения и нашего Священного Предания Православная Церковь отвергает ненависть к другим убеждениям и осуждает религиозный фанатизм, в каком бы виде они ни проявлялись”. В том же документе, кстати, говорится и о новых видах идолослужения — обоготворении насилия и денег, которыми стремятся заменить вечные ценности.

Вечные ценности, ценности непреходящие не могут заменяться суррогатами, хотя попытки такой замены есть и будут, поскольку в мире всегда идёт борьба доброго и злого начал. И в рамках светского государства, не нарушая ни Конституции, ни Законов “Об образовании” (1996) и “О свободе совести и о религиозных объединениях” (1997), можно использовать великие ценности христианства в процессе обучения и воспитания. Ведь светскость государства и соответствующие законы не отменяют нашего главного закона — Конституции страны.

Как состоит дело с преподаванием религиозных дисциплин в школе? Понятно, что о невольных или вольных нарушениях здесь можно говорить только применительно к государственным школам и к обязательной части их программы, т.е. по отношению к государственному стандарту. В школах негосударственных и в той части учебного плана, которая в государственных школах является дополнительной, вопрос в соответствии с законом должен решаться учредителями, родителями, работниками школы и учениками.

А в государственных школах? Посмотрим на статью 28-ю Конституции — о свободе совести. В ней утверждается право “свободно выбирать, иметь и распространять религи-

озные и иные убеждения и действовать в соответствии с ними”. Что это значит? Свободный выбор предполагает владение информацией, значит, необходимо информирование. А право распространять религиозные убеждения, что важно особо подчеркнуть, конституционно не ограничено ни местом, ни временем. Это значит, что православный учитель, конечно, не должен превращать урок истории в урок Закона Божьего. Но право выразить своё личное отношение, в том числе отношение православно мыслящего человека к значимым сторонам российской и мировой истории, Конституцией определённо закреплено. Вот это самое главное. По мере того как православие постепенно вновь занимает должное место в умах и сердцах россиян, его благая весть будет распространяться и через средства массовой информации, и через школу. Вспомните, как подробно, по нескольким каналам освещало телевидение недавно прошедшие праздники Рождества, включая прямые трансляции!

И в заключение хотелось бы сказать вот о чём. С точки зрения принципиальных решений и планов общероссийского масштаба очень многое в интересующей нас области делается здесь, в Москве, где находятся центральная светская и церковная власти. Но нельзя недооценивать того, что делается во всех уголках нашей Родины, где живут верующие люди. И они находят пути и возможности, чтобы на своём уровне возвращать России вечные православные ценности через воспитание молодёжи.